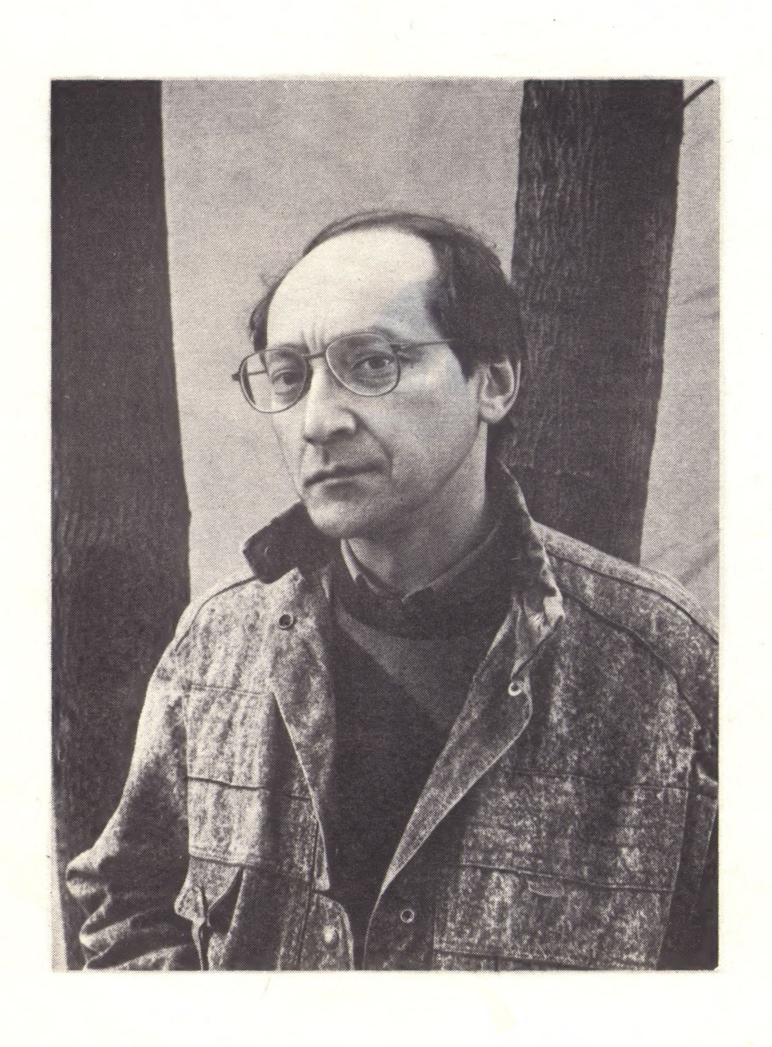
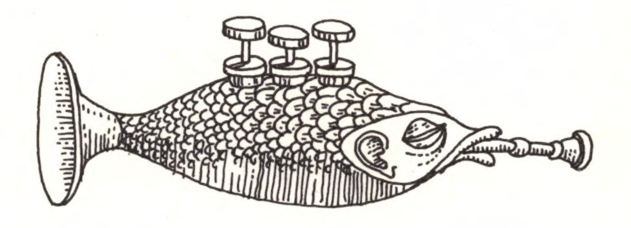

МИСТИКА. ФАНТАСТИКА. РЕАЛЬНОСТЬ
Владимир Вестер
Приключение с рыбой

ГЕЛИО
РЕКЛАМНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
КООПЕРАТИВ

Владимир Вестер

Приключение с рыбой

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОМЕТЕЙ"
МГПИ ИМ. В.И. ЛЕНИНА
1990

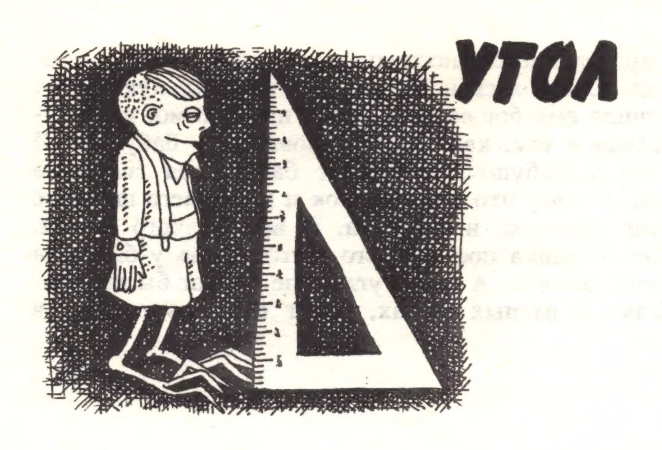
ББК 84Р7-4
В38

Издание осуществлено
за счет средств автора

Вестер В.С. Приключения с рыбой (История Клюева). М.: Прометей, 1990.
48 стр.

$В\frac{4702010201 - 300}{183(2) - 90}$ без объявл.

ISBN 5-7042-0218-7

УГОЛ

Когда Клюев был маленький, он очень любил баловаться. Бывало, разбалуется Клюев, расшалится, повалит вешалку или об стол приложится, а потом мама ловит Клюева за руку и делает строгое материнское предложение:

—Ну-ка, Клюев, становись в угол. Постой и подумай...

Вот Клюев и стоит в самом дальнем углу. Стоит, упершись носом в темень.

А темень эта такова, что заставляет Клюева думать. Собственно, как мама велела, так он и поступает. Стоит и думает о самых разных вещах. Но больше всего о том, что неужели всю жизнь его будут ставить в угол. И думает об этом с таким напряжением, что не замечает, как проходит время, мама давно уже легла спать, и папа, разведенный с мамой, где-то лег, и бабушка, живущая в другом конце города, легла, и прочие люди, о жизни которых Клюев еще ничего не знает, легли, а он стоит, упершись носом в темень, и думает...

И додумывается неизвестно до чего. Кажется ему, что он взрослый, носит пиджак, галстук, брюки, круглую современную шляпу, утратил способность беззаветно баловаться, валить вешалку и стукаться об стол, а все равно кто-то строго ему предлагает: ну-ка, Клюев, в угол!

Это предложение не слишком пугает Клюева. Он еще никогда не видел, чтобы взрослых ставили в угол. Правда, в какой-то детской книжке он (с помощью мамы) прочитал, что это бывает, но только в далеких незнакомых странах, где живут какие-то переодетые артисты с птичьими головами.

На другой день у Клюева болят ноги. Хорошо болят, хотя и сильно. А люди, когда они с мамой едут сначала на трамвае, а после в метро, кажутся ему какими-то переодетыми артистами. И каждому из них он мысленно приставляет птичью голову, од-

нако голова не приставляется, поскольку у каждого человека голова своя. И одет Клюев в свою маленькую натуральную шубу, которую мама сшила ему бог весть из чего, но, видимо, из овчины. И думает Клюев о том, как станет баловаться у бабушки. И знает Клюев, что у бабушки он станет баловаться сильно и очень талантливо, потому что еще ребенок и нет у него шляпы с круглыми полями, галстука и пиджака. И нет мелкого страха. Страха за то, что бабушка поставит его в угол. Ведь у бабушки нет углов. Все углы заняты. А в том углу, где он мог бы еще постоять, размышляя о разных вещах, стоит один из первых в стране телевизор.

АПЛОДИСМЕНТЫ, АПЛОДИСМЕНТЫ!

В детстве Клюев никак не мог научиться хлопать в ладоши. А потому однажды мама повела его на какое-то собрание в клуб.

У входа в этот популярный клуб, похожий на кинотеатр, с большими фонарями и толстыми колоннами мама сказала:

—Смотри, как это будут делать другие. Смотри и учись.

Но на собрании в клубе выступал всего один дядя. Сначала объявили концерт, а потом заменили на дядю. Сказали: “Это главней“. И Клюев поверил. К тому же все называли этого дядю Андреем Петровичем. В большом освещенном фойе, где торговали газированной водой, пирожными с каким-то сладким коричневым кремом и где висела невероятная хрустальная люстра, все говорили, что он большой друг прохожих и знает много ярких слов: яблоко, волчок, лошадь, борец, карусель, свисток, свадьба, телескоп и кинематограф.

Клюев уже тогда знал почти все эти слова. Поэтому он сразу понял, что хлопать в ладоши—это значит приветствовать Андрея Петровича. Стоишь в таинственной темноте зала, громко кричишь: “Да здравствует дядя!“ и приветствуешь. А Андрей Петрович стоит на сцене. И хорошо говорит. А сцена такая огромная, а Андрей Петрович такой высокий, солидный, упрямый и такой на нем черный праздничный пиджак, что он просто не может плохо сказать. И зал его слушает и забывает, что нужно дышать. И Клюев забывает. Он вспоминает только тогда, когда все вокруг начинают хлопать. Он тоже пытается хлопать, но у него опять ничего не выходит.

...Мама расстроилась и после собрания, когда они поднимались по лестнице к себе на пятый этаж, сказала:

—Вот ты какой у меня непутевый. Впрочем, ты еще маленький. Иди-ка лучше спать за шкаф. Во сне все болезни проходят.

Потом Клюев в какой-то газете увидел фотографию Андрея

Петровича. На фотографии он был такой же, как на сцене в клубе: высокий, солидный, упрямый и в пиджаке. На фотографии он тоже что-то говорил—должно быть, что-то о прохожих,—причесывался и потирал руки. И надпись под фотографией была очень честной. Что-то там было про "Долгие и продолжительные аплодисменты".

Клюеву очень понравились эти слова. Он долго ходил с газетой по улицам, всем улыбался, а потом, радостный и довольный, сидел дома и смотрел в окно на длинный осенний дождь. Вскоре Клюев вырезал из газеты фотографию Андрея Петровича и раскрасил ее всеми имевшимися в комнате красками. Раскрашенный Андрей Петрович стал еще солидней и притягательней. Соседи, которые видели это, предлагали куда-нибудь его послать, но Клюев почему-то так и не узнал, куда... Вместо этого, иногда, оставаясь дома один, он клал фотографию на стол, а сам бегал вокруг стола и учился хлопать в ладоши. Еще он включал радио, чтобы создать музыкальное сопровождение своим урокам. Тем более, что по радио тогда передавали все время какую-то оперу.

А потом как-то Андрей Петрович пришел к маме в гости. Точнее, его привела их рыжая соседка, которая водила по городу трамваи. Эта молодая женщина в красном габардиновом пальто вошла в комнату и сказала:

—Завтра, Давыдовна, приведу к тебе приятного гражданина. Зовут его Андрей Петрович. Ты хоть знаешь, кто это такой?

Мама, изменившись в лице, села на стул:

—Тот самый?—спросила она тихо.

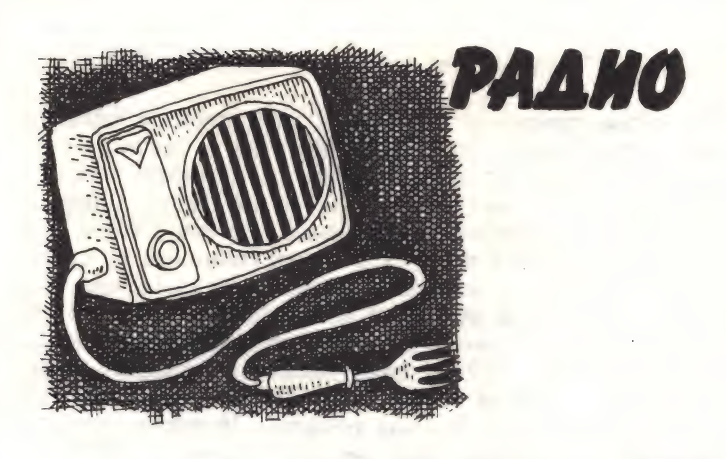
—Ну, уж не тот самый,—сказала соседка.—Те на трамваях не ездят. Так и пойдет он тебе в коммуналку. Жди больше! Тот-то оратор, огромной известности человек. А этот просто похож.

—Ну, приводи,—сказала мама, и Клюеву показалось, что она немножко разочарована.

Но когда на другой день Андрей Петрович действительно пришел—высокий, солидный, упрямый и в пиджаке—и начал мяться в дверях, явно не зная, что ему делать с толстым батоном любительской колбасы и куда девать шляпу,—Клюев встретил его долгими и продолжительными аплодисментами. Он так долго и громко хлопал в ладоши, что даже маме это надоело, и она прогнала его хлопать в коридор.

—Иди-ка соседей порадуй,—сказала мама,—а мы тут с дядей пока отдохнем. Ты ведь теперь у меня, как все.

И Клюев, схватив со стола фотографию, выбежал в дверь. И жизнь потом еще не раз награждала его аплодисментами.

РАДИО

Радио висело в комнате, на двух шурупах, крепко ввернутых в стену. Собственно говоря, это было даже не радио. Это был репродуктор городской трансляционной сети. Изнутри он был всегда настроен на музыку и человеческие голоса, а снаружи его украшала белая пластмассовая чайка.

Клюев любил слушать это радио. Последние известия или какую-нибудь героическую оперу. Известия иногда попадались хорошие, оперы были еще лучше. Так что Клюев сидел на стуле или лежал у себя за шкафом и слушал, слегка приоткрыв рот.

Клюев еще не умел читать. Книги казались ему большой человеческой тайной, сделанной из бумаги. Телевизора у них с мамой тогда тоже не было. Но зато были соседи. Или жильцы. Все они жили в длинной квартире на пятом этаже большого каменного дома.

Клюев с мамой занимали одну приличную комнату в этом своеобразном мире жильцов. Кроме радио, висевшего на стене, в их комнате были еще крупный трехстворчатый шкаф, стеклянная люстра, трюмо с зеркалом, две кровати, стол и стулья. Шкаф стоял таким образом, что за ним мог спокойно спать Клюев. Он там и спал, потому что за шкафом ему никто не мешал слушать радио и видеть сны.

Квартира, где они жили, всегда жила своей жизнью. Почему-то об этой жизни никогда не говорили по радио. Иногда намекали, но Клюев этого еще не понимал. Зато если кто-то из соседей шумно мылся в громадной пожелтевшей ванной, то мама об этом говорила: “Чистоплотные люди живут! Все как один певцы!“ Обычно после этих слов Клюев бежал к двери ванной и долго кричал: “Вы слышали, что о вас моя мама сказала?“

Человек пел и не слышал. На самом деле он не был певцом. Он был машинистом. Хотя и не водил тяжелые составы через

всю страну на Владивосток. Он работал в машбюро машинисткой.

Клюев не знал, почему у него такая виртуозная профессия. Сам же сосед утверждал, что занимается этим в честь единственной тети Наташи по отцовской линии. Он говорил, что тетя Наташа работала в каком-то издательстве на углу. Теперь в этом здании открыли кинотеатр. А раньше, по его словам, там издавали много интересных книг. Эти книги сочиняли писатели. Они приносили рукописи в издательство и отдавали их тете Наташе. Она перепечатывала рукописи на машинке. Один раз она перепечатала на машинке очень большой роман, который назывался “Декамерон“. Его принес один писатель, которого звали Джованни Бокаччо, хотя на самом деле это был псевдоним. На самом деле фамилия писателя была Бочкин. Он носил воблу во внутреннем кармане пиджака, пил кружечное пиво и звали его Петр Павлович. Правда, писал он на итальянском языке.

Мама Клюева почему-то не верила ни одному слову этого жильца. Она говорила, что он не жилец. Он—самый настоящий придумщик фантастического. И сковородку за собой не моет. “Денег у него нет,—говорила мама.—И на женщине он жениться не хочет. Все-то у него то Бочкин, то Бокаччо, то Бокаччо, то Бочкин“.

Должно быть, поэтому она и просила Клюева включать погромче радио, когда этот жилец с шумом мылся в ванной или пел так, что на ближайшей станции замедляли свой ход товарные поезда. “Пусть слушает, если, конечно, услышит,—говорила она,—может, ума наберется“.

Никто не знает, набрался ли он ума или нет. Но факт, что Клюев в детстве очень любил слушать радио.

ПОСОБИЕ

Эта книга была пособием по воздухоплаванию. По крайней мере, так думал о ней Клюев. Все дело в том, что в этой книге было много картинок, отражавших все знаменитые попытки человечества научиться летать. Таких картинок насчитывалось более двухсот штук, но Клюеву по-настоящему нравилась только одна—та самая, на которой некий мужчина с крыльями, привязанными прямо к пиджаку, пытался вылететь из окна большого пятиэтажного дома.

У этого мужчины было честное, открытое лицо. Неизвестного трамвайного пассажира.

Клюев давно уже интересовался трамвайными пассажирами, которых видел из окна. Поэтому с тех пор, как кто-то подарил ему это "Пособие по воздухоплаванию", он стал интересоваться ими еще сильней и значительней. И все они стали казаться ему тоже сильней и значительней.

Он открывал книгу на понравившейся ему картинке и долго водил по ней пальцем. От этого мужчина на картинке оживал, начинал махать крыльями и все пытался вылететь из окна большого пятиэтажного дома. А люди, стоявшие внизу на остановке, поворачивали головы и показывали куда-то вверх, где должно было произойти это событие.

Событие не происходило. Вместо этого подходил трамвай. Тогда все срывались с мест, садились в трамвай и куда-то уезжали. А мужчина возвращался в комнату. Там он отвязывал крылья, снимал пиджак и садился за стол читать газету. А Клюев крупно недоумевал.

В недоумении он выходил в коридор и шел смотреть, как сосед по фамилии Бочкин жарит в кухне яичницу. Сосед приветствовал Клюева возгласом: "А-а! Вот и юный хозяин страны!" А Клюев приветствовал соседа возгласом: "А-а! Петр Палыч! Дав-

ненько с вами не встречались!“ Этот возглас Клюев слышал по радио и теперь приветствовал им всех соседей, которые попадались ему на глаза.

Однако то, что в тот день ему на глаза попался именно Бочкин, было делом случайным. Если бы Клюев пошел не в кухню, где этот сосед с треском жарил на масле куриные яйца, а заглянул бы, скажем, в огромную коммунальную ванную, то увидел бы там их рыжую соседку, вагоновожатую. До этого он никогда еще не видел голых женщин и страшно хотел посмотреть. Тем более, что соседка была не просто голой, а еще и рыжей. И жутко красивой. И очень нравилась Клюеву. Он даже хотел подарить ей новую шубу, но еще не знал, как это делается... И она бы тогда, конечно, если бы он с этой шубой случайно зашел к ней в ванную, вышла б из пены и сказала: “А-а! Вот и юный хозяин страны!“ А он бы сказал: “А-а! Петр Палыч! Давненько с вами не встречались!“ И тут же бы сообразил, что сильно обознался.

Однако дверь в ванную комнату была плотно закрыта. Это Клюев выяснил, проходя мимо и, как всегда, подергав ручку. Поэтому он пришел в кухню, где находился Бочкин. С Бочкиным он поздоровался, а потом из кухни ушел.

Что же касается “Пособия по воздухоплаванию“... Дело все в том, что в этой книге было много картинок, отражавших все знаменитые попытки человечества научиться летать. Таких картинок насчитывалось более двухсот штук. Но Клюеву по-настоящему нравилась только одна. Та самая, на которой некий мужчина с крыльями, привязанными прямо к пиджаку, пытался вылететь из окна большого пятиэтажного дома.

СВИНЬЯ СЕРЕБРА

Никто не знал, сколько в ней денег. Даже Клюев и тот не знал. Не говоря уж о прохожих и жильцах их длинной, густонаселенной квартиры. Правда, Клюев почему-то догадывался, что в этой красивой рыночной свинье с фиолетовыми ушами накопилось ровно шестьдесят два рубля 20 копеек серебром. Однако никому об этом не говорил. Он ходил по квартире, стучал палкой по тазу и, дудя в какую-то дудку, держал сумму в тайне. И только волшебными вечерами, когда в окружении каких-то людей с птичьими головами лежал у себя за шкафом, Клюев думал:

—А если это ошибка? А вдруг там меньше? Мама-то что скажет? А бабушка? Она ведь как говорит: Клюев, не суй пальцы в суп. А то как засунешь, так после не вытащишь!

Тем временем хозяин глиняной свиньи Бочкин мечтал поехать в Италию. Он даже придумал себе итальянскую кличку для паспорта: Джованни Боккаччо. Как раз Боккаччо входил в моду, не считая, естественно, однобортных пиджаков. Странное и весьма захватывающее произведение этого Джованни читали во всех городских трамваях, а соседи в кухне почему-то перемигивались и негромко шутили: “А как он ее у бочки-то, а? Вот итальянцы! Э-по-хально!“

А Бочкин тем временем все мечтал поехать в Италию. Целых два года. И все два года копил деньги на билет. Почти каждый день он приходил с работы, жарил в кухне яичницу с маслом, а потом бросал в прорезь двадцать копеек. Когда бросать было нечего, он ничего не бросал. Но зато делал вид, что бросает. Он долго тряс свое серое из ратина пальто с большими накладными карманами и, если ничего существенного из него не вытрясал, то становился на колени и светил спичкой под кроватью. Затем, поднявшись, он некоторое время сипел и тихо кричал на какой-

то портрет, висевший в его комнате; потом разворачивался и шел к свинье, нагловато возвышавшейся на комоде. Он долго стоял перед этой свиньей, тускло сиявшей своим розовым кустарным боком, любуясь ее таинственной глиняной красотой. И все его лицо при этом дышало радостью и надеждой.

Клюев стоял под его дверью. И тоже дышал радостью и надеждой. Ему почему-то казалось, что этому небольшому соседу с красным лицом, великому хозяину рыночной свиньи, самое место в Италии. Нигде места нет, а в Италии есть. Вот и мама иногда говорила, что там-то его как раз не хватает. Туда не ходят трамваи, но зато отправляются поезда, которые часто гудят на далекой неизвестной станции. И вот если ему разрешат... Он спросит разрешения у своего начальника, грустного Речного человека... Словом, если он купит туда билет, то это будет справедливо. В Италии, как утверждают жильцы, теплые ночи, много фонтанов и монахов. Там вроде никто не работает, но зато все поют.

Клюев тоже хотел поехать в Италию. Он иногда ездил в гости к бабушке. У бабушки он ел суп, пил чай, а еще разглядывал в окно маленьких птиц. Но в Италию очень хотел. Он любил бывать там, где поют. Громко и хором. Как в опере. Или в кино. Что касается фонтанов, то он и их любил. Особенно их веселые разноцветные струи. Ну, и монахов Клюев любил. Он даже спрашивал у мамы: "А кто такие монахи?" А мама отвечала: "Приезжие в черном". И Клюев думал, что монахи—это такие приезжие в черном, которые когда-то (до революции) жили на одном хлебе и воде, не ездили на трамваях и прятались за высокой стеной. Там они мастерили воздушных змеев, а некоторые из них придумывали бумагу и порох.

Одним словом, такие вот незримые нити в ту самую осень протягивал Клюев к Бочкину, а дальше—в Италию, теплую страну громких оперных песен.

И сам Клюев, бывало, запевал, когда обо всем это думал. Известны даже слова: "А подкину я, да подброшу я; а поймай меня, а не дамся я!" Он стоял перед зеркалом, притопывал и пел... Или дудел в коридоре на дудке.

Но вот наступил тот день в ноябре. Тот самый день с дождем на всех остановках и низким серым небом. Фонари тогда зажглись рано, а окна в домах еще раньше. К вечеру пошел большой мокрый снег.

А Бочкин все никак не приходил. То ли с работы, то ли из кафе под названием "Рваные паруса", где все любили пить томатный сок с солью, а после на рвани парить... Ну да, давно уж должен был придти, а все никак не приходил. Все где-то мок, старел и прохлаждался. Ну, а когда пришел, весь мокрый и про-

хладный, то сразу встретил в коридоре Клюева. Тот стоял с дудкой в правой руке и ждал. А Бочкин тогда, покосившись на эту дудку, объявил:

—Сегодня в двадцать нуль-нуль. Заходи, юный хозяин страны. Жду!

И скрылся в кухне жарить яичницу.

Клюев пошел к себе, спрятался за шкафом и стал исправно дожидаться двадцати нуль-нуль.

А когда он пришел, то прямо от двери увидел соседа. Бочкин стоял в пальто у комода. Он глядел куда-то вдаль, где не было ничего, кроме каких-то огромных электрических букв, бежавших по крыше большого серого здания.

—Ну, юный, молоток принес?—скорбно спросил Бочкин.

—Не... не принес,—сказал Клюев.

—Тогда бегом к бабе Дусе,—трагически сказал сосед.—Она даст. Даст, старуха! Даст...

Клюев сразу пошел и принес. (Баба Дуся дала).

А Бочкин уже лежал на кровати и неотрывно глядел на потолок.

—Теперь назад неси, юный,—проговорил он, покосившись на молоток.—Неси его назад. Я передумал... Два года надрывался... Жалко!

Вот тут Клюев и вспомнил, что знает, сколько денег в глиняной свинье. Там ровно шестьдесят два рубля 20 копеек. И все серебром. Как раз на билет до Италии. А может...

Нет, Клюев так никому и не открыл эту тайну. Достаточно было того, что он ее знал. Или казалось, что знает. Тем более что не всем же в Италию ездить. И у нас здесь люди живут и поют. И струи фонтанов светятся теплыми вечерами. И кто-то изобретает бумагу и порох.

ПИСЬМА ЧЕЛОВЕКА

Как-то выдалось очень душное, пыльное лето. Город внизу тяжко шумел, а Клюев у себя на пятом этаже ждал каких-то известий. Клюев не знал, откуда они должны быть. Он просто полагал, что ему и маме этим летом должны быть письма.

Наконец однажды в подъезд их дома вошел пыльный старик с большой почтовой сумкой неизвестного цвета. Он долго поднимался на пятый этаж, звонил во все квартиры и спрашивал: "Оглохли все, что ль?" А Клюев выходил из квартиры и кричал вниз: "Идите, дедушка, сюда. Я вам чаем заплачу".

Вскоре старик вошел в квартиру и строго спросил на весь коридор:

—Ты кто такой кредитоспособный? Клюев? Ежели ты Клюев, то, парень, пляши! Пляши, а то назад письмо унесу.

Клюев стал плясать в коридоре, высоко подбрасывая ноги, а дедушка уселся в кухне и стал пить чай.

Вечером пришла домой мама. Она знала, что иногда в кухне пьют чай какие-то забежавшие старики, поэтому сразу что-то сказала, чтобы дедушка не обжегся. Затем она увидела, что в коридоре пляшет Клюев.

—А ты чего веселишься?—спросила она.—Родную бабушку вспомнил?

—Нет,—сказал Клюев,—пыльный дедушка письмо принес.

—А-а,—сказала мама и тоже стала плясать.

Поздним вечером, несколько разбухнув от чая, дедушка ушел, а письмо оставил. Мама пошла в комнату и стала читать.

Надо сказать, что письмо было очень большое. Почти как роман или почтовая опера. Мама читала его целых три дня. Клюев весь так истомился, что когда спал у себя за шкафом, все думал, кто же его написал.

На четвертый день мама сказала, что это письмо от одного

Человека. Кто такой, она не сказала, однако накрасила губы и намекнула, что один Человек—это совсем не два. Один Человек причесывается железной расческой, потирает руки в дверях и никогда не знает, куда деть свою шляпу. А два ничего такого не делают. Но зато о них часто пишут в газетах.

Еще через день мама достала из шкафа семейный альбом. Она долго сдувала с него пыль, а Клюев стоял рядом и помогал ей сдувать. Куда потом делась пыль—неизвестно. Должно быть, осела на вещи. Однако мама убрала альбом назад в шкаф и больше к этому не возвращалась.

На другой день Клюев хотел достать альбом сам, но почему-то достал из шкафа круглую старую коробку из-под шляпы. Эту коробку он долго и шумно катал по комнате, а после выкатил в коридор и стал катать там.

Потом душное лето кончилось. Наступила душная осень. Что-то испортилось в городском климате. Что касается одного Человека, который написал им еще несколько огромных писем, описывая в них, как он потирает руки в дверях и бегает за трамваем, то Клюев наконец решил, что этот Человек живет в другом городе, где нет билетов на поезд. Есть рельсы, вокзалы, мосты, фонтаны, большие дома, трамваи, фонари, водокачки, киоски, кинотеатры, издательства, оперный театр, а вот билетов нет. Это и есть основная причина того, что одним всегда хорошо, а другим иногда бывает плохо. Как вот его маме, которая получает письма, а после, накрасив губы, несколько дней сидит у стола и ждет, что кончится духота, город остынет, и в комнату войдет один Человек. И Клюев тогда снова станет плясать. А после будет играть в почтальона.

ИГРА В ПРЯТКИ

Тот человек, который любил продувать расческу в дверях, а также не знал, куда ему деть свою шляпу, оказался очень интересным дядей. Дело не в том, что он, как говорили жильцы, мог в любое время суток достать батон любительской колбасы, а в том, что умел играть с Клюевым в игру под названием "прятки".

Правда, прятался один Клюев. Дядя никогда не прятался. Он приходил к ним и, громко продув расческу, сидел с мамой за столом. Освещала дядю старая стеклянная люстра с висюльками. Когда он дышал, эти висюльки позвякивали. Клюеву казалось, что это позвякивает что-то внутри этого яркого, интересного дяди.

У него был большой солидный нос, какой-то коричневый документ в кармане и крепкие, как дверной косяк, руки. Он носил серый широкий плащ, делавший его почти невидимым в подворотнях. Когда он приходил и садился за стол, то сперва говорил:

—Эх, по колбаске б чичас!

А потом, о чем-то подумав, добавлял:

—А вот я найду. А вот пошукаю я Клюева!

Но продолжал сидеть за столом под люстрой и отражался в зеркале на трюмо.

А Клюев тогда шел и забирался в их трехстворчатый шкаф, хотя сперва выходил в коридор постучать палкой по тазу или просто поглядеть: висит ли еще на стене велосипед "Украина" или куда-нибудь взял да уехал.

Велосипед висел. Его педали были завернуты в какие-то тряпки; Клюев думал, что они в галошах.

Успокоенный, он возвращался в комнату и тут же немедленно шел прятаться. Прятался он хорошо и надежно. Он полагал, что для этого нет более знаменитого и интересного места, чем

шкаф. Вот, правда, прописана в нем темнота и проживают там какие-то веселые артисты с птичьими головами. Но это, по мнению Клюева, невидимые жильцы шкафа.Наружу они появляются только тогда, когда по радио передают какую-нибудь оперу.

А жильцы квартиры живут без птичьих голов на теле. Едят, спят, ругаются, ходят, мечтают, строят разные планы и живут. А еще удивляются. Бывает, что их удивление не имеет границ и выходит за пределы родного города. Жильцы все знают, все видели и все пережили, но все удивляются. Они, например, удивляются, что дядя, который приходит к Клюевым в гости, долго скитался неизвестно где, жил за каким-то Бугром, а вот теперь работает директором фонтана, руководит длиной струи... Они понимают, что с его появлением все они когда-нибудь не только станут питаться исключительно любительской колбасой и кататься летом в Италию, но еще вечером станут ходить в оперу на песню “про небелунгов“, а также на творческую встречу с советским писателем Джованни Боккаччо. Да, все это жильцы хорошо понимают, но все равно никак не могут понять: как это? дядя не знает, где прячется Клюев?

* * *

Когда дядя шел по улице к Клюевым в гости, он забегал по дороге выпить томатного сока с солью в одно хорошее кафе с корабельным названием “Рваные паруса“. В кафе он долго что-то рассматривал, задрав голову вверх, сквозь дыры в парусах. К нему подходили какие-то двое, очень похожие на артистов с птичьими головами. Они стояли с ним и тоже смотрели вверх. Они думали, что когда-нибудь в небе над рваным тентом кафе повиснет аэростат с гигантской надписью на боку “Сеньор Аттенборо“... Аэростат не повисал; а дядя вскоре входил в сумрачную прохладу подъезда какого-то пятиэтажного дома. Того самого, с невидимым криком квартир и татарским словом на стенке. Там он, быстро преодолев пролеты, доставал из кармана расческу и хорошо ее продувал. Но не в дверях, как думал Клюев, а где-то рядом. Это просто казалось, что в дверях. Входил он в квартиру причесанный, свежий и с тем выражением лица, которое делало его еще интересней.

Клюев, увидев его, к нему подбегал и, высоко подбрасывая ноги, кричал: “Дунуть принес?“ Дядя, покосившись сверху на Клюева, говорил: “Да на, дуй. Дуй! Да на!“ Клюев принимался дуть в его расческу так, что сильно щекотало губы. Тем временем дядя искал, куда бы ему деть свою шляпу. Потом он вручал маме колбасу и садился за стол. Вот тут томатный сок и поднимался в нем. Он громко выдыхал его в комнату и гово-

рил: “Прошу извинить. Паруса.“ Под потолком звенела люстра, а мама говорила: “Да ладно. Чего уж там.“ Она грела чай, ставила на стол чашки, тарелки и бежала к рыжей соседке за светлой коммунальной водкой. Когда дядя немножко осваивался и отходил от улицы, мама садилась напротив и глядела с надеждой в его небольшие глаза. И он тоже глядел. Потом вытаскивал из кармана документ и, положив его рядом с тарелкой, говорил почти в шутку:

—Эх, по колбаске б чичас!

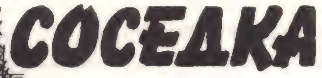
Ну а потом знаменитое:

—А вот я найду. А вот пошукаю я Клюева!

Тем временем жильцы, прислушиваясь и удивляясь, думали про свою жизнь. Как они будут копить деньги, мечтать и строить несбыточные планы.

Надо сказать, что Клюев тоже строил свои планы, но они были сбыточные. Скажем, что проще прочитать всего Шекспира или написать оперу? А еще проще вот что: вырастить в Клюеве веселого гражданина нашей веселой страны. Словом, когда к ним в гости приходил этот яркий дядя с колбасой, Клюев, мечтая о Шекспире, с большой охотой шел прятаться в шкаф. Скорее всего, он это делал потому, что была такая игра. Как раз в этот день, когда она началась, он был дома и по радио слышал, что где-то над океаном потерялся аэростат. С таким вот широким названием “Сеньор Аттенборо“. Впрочем, Клюев хоть и не мог выговорить это название, но зато хорошо знал, где он потерялся. Он сам как-то раз запустил его в небо. Или приснилось, что запустил. Ведь он иногда то ли в шкафу засыпал, то ли за шкафом. Но это случалось только тогда, когда под звон люстры и шум квартиры мама общалась с дядей.

СОСЕДКА

За стеной проживала соседка, очень молодая женщина в красном габардиновом пальто. Работала она на трамвае. Клюев знал, что всякий человек, который работает на трамвае, называется "вагоновожатый". Поэтому он гордился тем, что за стеной живет не просто соседка, а еще и вагоновожатая.

Трудно сказать, какие чувства испытывала соседка оттого, что за ее стеной живет Клюев. Наверное, ей было очень приятно. По крайней мере, она иногда приходили к Клюевым и, стоя на пороге в своем ярком, как летний закат, пальто, интересовалась:

—Ну это... как вы тут поживаете? Как мальчик-то ваш? А? Поет? А? Романа ни с кем не завел? А?

Мама что-то делала в шкафу. Она вытаскивала голову из его темноты и улыбалась соседке. Ей почему-то нравилось. что соседка так говорит. Мама знала, что Клюев вырастет и будет у него настоящий роман с какой-нибудь красивой девушкой или женщиной, и будут они жить в своей квартире с отдельным туалетом и большой кухней, и Клюев займет место дельного человека в социалистическом обществе, и будет где-то работать на приличной должности и выпишет на свой адрес несколько приличных бумажных изданий, в которых будет много интересного и важного, но ничего не будет сказано о любви. Но будет это все впереди. А пока... Пока пусть скачет на своем деревянном коне и промачивает ботинки на улице. У него теперь такой возраст. Возраст наездника и нежной коммунальной жизни.

Соседка тем временем раздевалась. Она снимала красное пальто, вешала его на вешалку и оставалась в платье. Платье у нее было синее как море, которое когда-то приснилось Клюеву, а воротник платья белый как снег, с легкими закругленными кружевами. Еще у соседки был тонкий нос и рыжие длинные во-

лосы, почти до порога... Эти волосы как бы светились в комнате. Клюев смотрел на соседку с тихим ужасом и думал, что теперь их старая люстра горит зря. Пусть горят одни рыжие волосы!

А мама с соседкой скрывались в кухне. Они находились там долго, почти целую вечность. И что-то там обсуждали почти целую вечность. Они сидели на двух больших и грубых табуретках, укрывшись от внешнего мира за какими-то огромными фиолетовыми штанами, висевшими на веревке и принадлежавшими, казалось, сразу большой группе жильцов. Те штаны пахли влагой мира, хозяйственным мылом.

Ужас у Клюева проходил. Оставшись один, он садился на своего деревянного коня с облезлой спиной и долго скакал вокруг стола по каким-то равнинам. Там не было ни гудков, ни машин, и небо было голубое, бескрайнее, как музыка или марш, который пел Клюев...

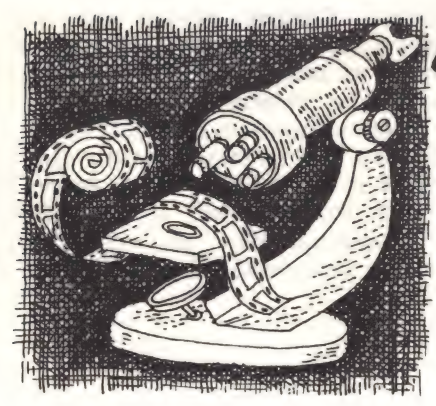
Еще в его воображении рисовался трамвай. С яркими окнами. Тот самый, который вела соседка по ночному городу. Наверное, Клюеву очень хотелось проехаться в этом трамвае. Он был бы тогда единственным пассажиром. Он бы сидел тогда на скамейке у самого окна и прижимался носом к холодному стеклу. Ведь когда прижмешься носом к холодному стеклу, лучше всего глядеть на огни проносящихся мимо улиц и на светящиеся вывески магазинов. А соседка, рыжая и фантастическая, вела бы этот трамвай. Быстро, со звоном, минуя все ночные остановки. И было бы такое впечатление, будто по городу несется огромная копилка с мелочью. Громадная рыночная свинья или глиняный кот. И был бы тогда у Клюева невообразимый роман. С трамваем, ночным городом и этой соседкой. Вагоновожатой в красном габардиновом пальто.

Как долго бы длился этот роман? Клюев полагал, что он продлится всю осень, зиму и еще захватит весну. Ведь весна, говорила мама, самое время романы крутить. Скворцы и почки любви помогают.

До самой весны он спал беспокойно. И много ворочался во сне. Или совсем не спал. И даже не ворочался. Он лежал у себя за шкафом, в привычной темноте и прислушивался к каким-то шагам, которые раздавались на лестнице. Это были разные шаги. Они принадлежали ногам разных людей. То шли вверх взрослые мужчины, объединенные местом в жизни и каким-то еще признаком. Среди них были: художники, водолазы, фокусники, композиторы, ткачи, дрессировщики, революционеры, стекольщики, бюрократы и кинематографисты. Первых было больше, чем всех остальных, но также много было вторых и последних. И все они шагали по лестнице на пятый этаж. И все они были одеты в свои лучшие пальто и шапки, как для торжествен-

ного случая. И все они, казалось Клюеву, вскоре шмыгнут в темноту коридора и на какое-то время поселятся за стенкой у рыжей соседки. Он даже слышал их голоса, хотя все они старательно говорили шепотом и чем-то звенели,... а после долго скрипели невидимыми пружинами соседкиного дивана.

Откуда они появлялись? Клюев мог только догадываться. По крайней мере, иногда он вставал и ночью подходил к окну. Он видел под фонарем блестящую от дождя крышу трамвая. Впрочем, у их дома трамвай останавливаться не мог. Рельсы были проложены в стороне, и все это могло только мерещиться Клюеву.

КИНО

В детстве Клюев любил ходить в кино. Бывало даже так, что он часто ходил на один и тот же фильм, который почему-то всякий раз казался ему разным.

Ходить в кино Клюеву было легко и радостно. Он выходил из дома и шел по улице с таким видом, что люди, встречавшиеся по дороге, знали: вот Клюев, который идет в кино!

Кинотеатр с толстыми колоннами и фонарями над входом находился совсем рядом с его домом. В его фойе было очень светло, между сеансами играл какой-то человек на пианино, а иногда выступал известный в городе оратор Андрей Петрович. Правда, этот Андрей Петрович выступал на взрослых сеансах и почему-то ничего не говорил про кино.

Пускали Клюева только на детские сеансы. Так что он не видел Андрея Петровича. Только мог догадаться. Конечно, Клюев тосковал и спрашивал, почему его не пускают на взрослые сеансы. На это мама говорила: “Успеешь еще. У тебя вся жизнь впереди“.

Клюев знал, что впереди у него вся жизнь, но все-таки его мучило любопытство. На детском сеансе в кино он отвлекался, ел яблоки или просто вертел головой.

Сеанс кончался. В зале зажигали свет. Клюев, спрятав огрызок в карман, выходил на улицу.

На улице была хорошая погода. Там звенели трамваи, торговали газетами, и проходили мимо люди. На Клюева со всех сторон глядели герои взрослых фильмов, и он шел по улице с таким видом, что все знали: вот Клюев, который идет из кино!

Он приходил домой под очень большим впечатлением. Он хотел с кем-нибудь поделиться и делился с деревянным конем, у которого давно уже не было правого уха, но зато была теперь звонкая кличка Зритель.

Известно, что не умеют говорить деревянные кони. А те, что умеют, давно уже взяты на учет и на них идет запись. Поэтому за коня говорил сам Клюев. Он садился на него и говорил, что был в кино.

—Ух ты!—говорил Клюеву конь.

—Не в ухты, а в “Родине“,—поправлял его Клюев.

—А есть такой кинотеатр?—сильно удивлялся конь.

—У меня все есть,—таинственно говорил Клюев.

Затем, пришпорив коня, он куда-то скакал, а по дороге говорил, что кино сегодня показали взрослое. Большое и хорошее кино. От этого кино он, Клюев, сильно возмужал и набрался жизненного опыта. Еще он говорил, что потом на улице видел героев этого фильма. Они все садились в трамвай. Все они были пассажирами, и каждый из них имел серую кепку на голове и три копейки меди в кармане.

Скорее всего, деревянный конь по кличке Зритель всегда верил Клюеву. Сперва-то, правда, не верил. Это он потом начинал верить. По крайней мере, голосом Клюева конь говорил: “Ну а что было дальше? Дальше-то было что?“ И Клюев с некоторой жалостью отвечал: дальше не было ничего, кроме другого кино.

Но вот как-то кинотеатр то ли закрыли на ремонт, то ли снесли. Как раз в этот вечер к Клюевым зашел один дядя в серой осенней кепке. Этот дядя был известный трамвайный пассажир, хотя давно уже хотел купить себе машину. Руки у него были большие, а ладони круглые, как катушки, на которые наматывают кино. Этими руками он ел бутерброды с колбасой и держал стакан с чаем.

А Клюев качался рядом на своем деревянном коне. Он видел, что, напившись чаю, дядя начал почему-то вздыхать. Вздыхал он не сильно, поскольку, наверное, не имел к этому пристрастия. Он только дергал за край скатерти и все говорил, что вотде закрыли, черти, кинотеатр, а он впервые в жизни хотел пригласить женщину в кино.

Женщиной (по справедливости) он называл маму Клюева. Она как раз, накрасив губы, сидела тут же и смотрела на дядины руки. Иногда и мама вздыхала: должно быть, соглашалась.

Потом мама убирала все со стола и говорила, что теперь-то уж точно придется ехать через весь город к бабушке.

—У бабушки тоже есть кинотеатр,—говорила мама.—Заодно и переночуем.

... В ту ночь Клюев ночевал у бабушки. Сперва много баловался и смотрел телевизор, а потом ночевал. Надо сказать, что бабушка Клюева никогда особенно не увлекалась кино. Им с дедушкой было как-то не до этого. Зато она помнила одну любопытную вещь. Оказывается, кино когда-то было немое.

ЗАДАНИЕ НА ЛЕТО

Однажды Клюев получил задание на лето. В чем состояло это задание, он позабыл, но то, что было оно ответственное и важное,—отчетливо помнил. Он помнил, что поначалу мама купила ему небольшой оптический телескоп. Этот телескоп имел какое-то отношение к этому заданию. Еще он помнил, что телескоп сперва лежал в коробке, и коробка была голубая. Потом он долго разглядывал в телескоп трамвайную остановку. Трамвайная остановка была к Клюеву очень близко...

Кроме этого, он разглядывал улицу и проходивших по ней людей. Разглядывать было очень интересно. Когда мама входила в комнату и говорила: “Ну теперь его за уши не оттащишь“, Клюев понимал, что так оно, скорее всего, и будет.

Надо сказать, что так было долго. Целых два дня Клюев разглядывал улицу. Зацепив взглядом какого-нибудь любопытного человека, он провожал его до тех пор, пока человек не садился в трамвай, а трамвай не уезжал. Отчего-то больше других ему нравились статные мужчины в ярких цветных футболках, с большими портфелями. Он видел их по телевизору и в кино. Они с давних пор вызывали в нем чувство гордости и уважения, разбавленные, правда, маленькой детской завистью. Клюев понимал, что эти мужчины создают саму жизнь, руководят всеми многочисленными процессами в мире. Если когда-нибудь ему, Клюеву, доведется стать взрослым, он обязательно будет похож на них.

Он даже выбрал, на кого. Этот мужчина, о котором Клюев сразу сказал себе: “Надо ж, какой привлекательный дядя!“—чаще других садился в трамвай. Портфель у него был самый большой, черный, а футболка самая яркая, оранжевая, как спелый марокканский апельсин. В телескоп Клюев видел его целиком, с мелкими, но характерными деталями и представлял себе, что это

прямой, честный и решительный дядя, который утром любит отжиматься от пола и моет тело до пояса холодной водой. Клюев подумал о нем, что, кажется, именно о таком разговаривает по телефону с бабушкой его мама. Он даже подумал, что было бы неплохо, если бы этот мужчина однажды не сел в трамвай, а поднялся бы к ним на пятый этаж и позвонил в дверь. Ему бы открыл сам Клюев и сказал: "Ма, к тебе человек с предложением пришел".—"С каким еще предложением?"—спросила бы мама.—"А с таким. Сокровенным". И дядя, поставив свой портфель в передней под вешалкой, сделал бы маме это сокровенное предложение. Потом он достал бы расческу в латунном футляре, как следует ее продул и стал бы причесываться перед зеркалом, хотя и так был очень красивый. А потом они все вместе претворили бы в жизнь его сокровенное предложение: сели б за стол и стали пить чай с какими-нибудь хорошими конфетами. И дядя бы тогда улыбался Клюеву; улыбался честно, открыто и говорил: "Ну если бы не он, я бы ни в жисть не пришел". Или поехали бы к бабушке. Вышли б из дома и просто поехали. Сперва на трамвае, потом на метро. И Клюев вез бы на коленях свой телескоп в голубой коробке, к которому дядя пообещал подарить какую-то насадку, чтобы из маленьких окон можно было разглядывать маленьких птиц. У бабушки Клюев бы снова в него смотрел, но теперь уже не на трамвайную остановку, а просто на небо, как настоящий астроном. Может быть, в этом и состояло его давнишнее задание. Кто знает? Под небом полудня все может быть...

СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА

Художник умер в четверг. За год до этого он поселился в маленькой, как сундук, комнате с овальным окном, в самом конце коридора.

Фамилия художника была Печенкин.

Ни в одной книге Клюев не мог найти такой фамилии. Молчали о Печенкине газеты. В тот год Клюев впервые в жизни выписал несколько газет. Он посоветовался с мамой и решил:

—А ладно. Не повредят.

Тем временем в мире творилось всякое. Какие-то хулиганы напали на Египет. Это отразилось в их длинной квартире всплеском тоски и безверия. Всплеск был настолько сильный, что огромные фиолетовые штаны, висевшие на веревке в кухне, с этой веревки куда-то пропали. Соседи стали говорить, что это новый жилец Печенкин упер, чтобы использовать в творчестве.

Клюев мог только догадываться, правда это или нет. Однако из газет он уже знал, что талантливому художнику штаны не нужны. Он и так может жить.

Но вот однажды Печенкин вошел в квартиру и, некоторое время походив в молчании по коридору, произнес:

—Совсем раздевают, сукины дети.

И с размаху ударил кулаком по тазу на стене.

На следующее утро он привел домой натурщицу. Точнее, какую-то тетю в телогрейке.

А незадолго до этого Клюев был с мамой в музее. Этот музей был знаменит тем, что там, в огромном зале висела всего одна картина, изображавшая молодую женщину с молотком и загадочными глазами. Чтобы посмотреть на эту женщину, Клюев с мамой простояли на морозе три с лишним часа, и у него так замерзла правая нога, что стала казаться чужой. Как будто из другого города. Но в зале нога отошла, и Клюев подошел к жен-

щине на картине с чувством любопытства. К тому же кто-то рядом сказал: “Вот это лепнина!“—И Клюев, оглянувшись, понял тогда, что женщина на картине—одно из самых главных загадочных существ на свете. Загадочней их рыжей соседки, вагоновожатой.

В тот же день, вечером Клюев хотел что-то нарисовать на бумаге, но вышло что-то странное. Он так и не смог определить, что у него получилось... С чувством надежды на лучшее он лег спать, а ночью кто-то брал его за руку и говорил:

—Ну, пойдем! Ну, пойдем!

Натурщица, которую привел Печенкин, ему кого-то напоминала. Кажется, он видел ее в кино. Или не в кино. Просто в жизни. Она торговала томатным соком в кафе. Этот сок имел привкус железа. Мама запрещала Клюеву его пить. Она утверждала, что от этого сока в желудке могут появиться гвозди.

Должно быть, натурщица думала иначе. Во время работы она была одета в грязный белый халат и все время кричала:

—Вась! Ты, черт, не спишь, что ль!

Она кричала в ту сторону, где за большими бочками кто-то кашлял. Клюев все хотел посмотреть, кто это там кашляет, но так никого и не увидел.

Должно быть, волею судьбы Печенкина звали Василием, отчество было Иванович. Внешне он напоминал известного красного командира, большого друга революции. На этом сходство заканчивалось и начиналась разница. Эта разница состояла в том, что Печенкин наверняка бы стал академиком искусств, если бы написал эту натурщицу классически. То есть так, как положено. В грязном халате и с большими загадочными глазами. На холсте. И заключил этот холст в золоченую раму размерами с парадную дверь. Тогда бы Печенкина выставили в музее, и на его картину стояла бы длинная очередь как за ситцем, и у всех бы отмерзли правые ноги. Об этом бы написали в газетах, снабдив сообщение заголовком:

“СССР—страна высокого Ренессанса!“

Но он почему-то не написал. Он почему-то стал пить с натурщицей водку и есть отдельную колбасу, лежавшую на серой бумаге. Выпив, они громко говорили про Египет, причем в это слово натурщица вместо “г“ вставляла “б“. Страна, которая получалась в результате этого превращения Клюеву известна не была, но он подозревал, что она существует. Причем где-то рядом.

Как раз в тот день из кухни исчезли штаны. А вместе с ними и натурщица в телогрейке. Правда, на другой день Печенкин привел натурщика. Точнее, какого-то дядю в бороде и сапогах. Этот дядя сильно кашлял, а Печенкин громко кричал, что те-

перь напишет серию портретов для праздничной выставки на Центральном телеграфе. Поразительно, что он так и не сделал набросков с этого дяди.

А в четверг (так и не отмеченный в прессе) Клюев где-то долго гулял и пришел домой слишком поздно. Печенкина уже вынесли. То место, куда его вынесли, называлось странно—"погост". Клюев думал, что туда все рано или поздно отправляются погостить. Будь ты художник или еще кто. Правда, за гробом художника всегда пойдет какая-нибудь натурщица в телогрейке. Ведь он завещает ей все, что не вышло создать. Загадочное и большое.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ВЫСТРЕЛЫ

В той части города, в которой жил Клюев, по праздникам всегда раздавались какие-то выстрелы. Эти выстрелы были очень красивые, разноцветные. Они отражались в темной воде реки, и с треском осыпались на крыши и тротуары.

Прильнув к окну на пятом этаже, Клюев любил считать эти выстрелы. То место, откуда стреляли, находилось где-то за рекой; звуки выстрелов доходили до Клюева неспешным шагом; тонко звенело стекло, и кто-то громко кричал внизу:

“Уряяяяяааа!!“

“Уряяяаа!“—шумно и радостно кричал Клюев. И сбивался со счета.

А вообще-то он чувствовал полную свою причастность к происходящему. Кто-то ему сказал, что он родился в праздничный день, и это в его честь бабахают за рекой невидимые солдаты. Вот только стоит это бабаханье, как десять тысяч пар башмаков. Поэтому можно сказать, что бабахают разноцветными башмаками.

Это была удивительная экономика. Она никак не укладывалась в мыслях Клюева. Он знал, что в этот празничный день вся квартира с огромной радостью в душе будет есть золотистые шпроты и запивать их светлой коммунальной водкой. Бочкин, сосед, наварит картошки, а к соседке, рыжей вагоновожатой, приедет в гости трамвайный пассажир в пальто с каракулевым воротником. Они включат радиолу, и кто-то запоет про девчонку—есть, мол, такая одна. И всю ночь потом за стенкой будут шаркать ногами, целоваться и о чем-то шептать.

А мама останется дома. Ей некуда будет пойти, потому что она всюду была до праздников. Она включит радио, и тогда по радио зазвучат знаменитые позывные. Знаменитые именно тем, что являются как бы началом известной оперы. В этой опере

речь идет об одной широкой, как театральная сцена, стране, в которой можно позволять себе любую вольность. К ночи этой самой вольностью наполнится вся квартира, и тогда сорвется со стены огромный железный велосипед "Украина" и куда-то уедет, а Клюев, вдохновленный радостью происходящего, выбежит в коридор и станет кричать:

—По лесам, по полям ходит Клюев здесь и там. Уряяаа! Клю-лю!

И это тоже будут слова из той же самой оперы.

...Мама, понятно, этому не сильно радовалась. За свою жизнь она наслушалась много всякого улюлюканья, поэтому не сильно радовалась тому, что этим по праздникам занимается Клюев.

...Она уже была одета в свое выходное платье с белым кружевным воротником. Услышав, что говорит Клюев, она кивнула в сторону радио:

—Нечего тебе такие звуки издавать. И так в доме ничего нет.

Все-таки иногда по праздникам мама где-то гуляла всю ночь. Клюев подозревал, что она гуляет у рыжей соседки, потому что они подруги и к соседке приходит трамвайный пассажир. Клюев про себя называл его "воротник" и почему-то малость не любил.

...Выстрелов уже не было. Огни осыпались на крыши и тротуары. Невидимые солдаты ушли в свои казармы. Клюев лежал у себя за шкафом. Если дело происходило в ноябре, то ночь была длинной, как трамвайная колея, и приходилось долго лежать, чтобы дождаться утра.

Ночью Клюев временами спал, и снились ему эти праздничные выстрелы, которых он так долго ждал и которые были такие красивые.

Утром Клюев просыпался и ел винегрет, который приготовила мама. По праздникам он всегда запивал его кофе "Арабика" и думал теперь о том, что где-то живут хорошие люди арабы, у которых растет на деревьях вкусный кофе. Потом они шли с мамой гулять, и снова на улице было много народу в лучших пальто и шляпах.

На другой день начинались будни, и Клюев начинал забывать об этих праздничных выстрелах. Не забывал он лишь то, что живет в такой стране, где всегда по праздникам стреляют разноцветными огнями, и что огни эти с годами становятся все разноцветней и все ярче освещают самые потаенные уголки его детских снов.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С РЫБОЙ

Пора! Пора!

Клюев с детства знал, что пора, но вот куда пора и зачем, он еще не знал.

А жизнь в его детстве имела скромное очарование. Очаровательна была улица, на которой было много прохожих. Эти прохожие часто садились в трамвай. Это было тем более очаровательно, поскольку стоило всего три копейки. Имели мягкое очарование пыльные листья деревьев, газетный киоск и вывеска на магазине, которую можно было прочесть, если влезть ногами на подоконник. Клюев влезал и читал:

"ЖИ...ВА...Я...РЫ..."

Остальное он не мог прочесть, поскольку остального просто не было. Но еще очаровательней было то, что Клюева окружали добрые люди. Соседи. А проще говоря, жильцы.

Вот, например, один жилец как-то в субботу... Или не совсем в субботу, то есть в пятницу купил живую рыбу. Как это у него получилось—никто из соседей так и не выяснил, но факт, что рыба долго плавала в ванной. Настолько долго, что научилась говорить. Правда, говорила она исключительно несерьезно:

—Отцы родные! Чево ж вы по мне сапогами!

Рыба была покупной. Да еще каким-то таинственным способом. Поэтому она не могла уточнить, о каких сапогах и отцах идет речь. Но голос у нее был громкий, совсем не подводный и проникал, казалось, во все уголки громадной квартиры.

Соседям—по некоторым причинам—часто нужна была ванная комната. Это теперь говорят, что ванная нужна исключительно для того, что разводить в ней рыб и делать детей, а тогда нужна была, чтобы стирать и мыться. Поэтому соседи подходили к двери ванной и, гулко толпясь, удивлялись:

—Там ктой-то есть.

После чего владелец глиняной свиньи Бочкин прикладывал ухо к двери и кричал:

—Эй, ты зачем там поселился?

А рыба на это отвечала:

—Отцы родные!..

Ну и так далее.

Соседи дружно говорили "Хм!" и начинали переглядываться. У них был один, но очень выразительный взгляд. В их глазах отчетливо читалось: нужно ломать. Но тотчас в рядах возникало смятение. Это смятение быстро обегало всю квартиру, крутило педали велосипеда, висевшего на стене, и, громко звякнув стеклом в окне кухни, возвращалось под дверь. Тогда в глазах жильцов читалось другое: ломать не нужно—дверь жалко. Тут, о чем-то подумав, Бочкин говорил, что в ванной плавает дворник или почтальон, а может, летчик или машинист. Но вскоре понимал, что соседей никак не убедить, и, сославшись на громкий шум в голове, уходил к себе и там сидел молча.

Толпа рассеивалась. Некий шумок гулял по квартире, отдаваясь музыкой в большом эмалированном тазу. Казалось, грустную увертюру играет залетный оркестр... При этих звуках мама сажала Клюева на стул и долго смотрела ему в глаза. Потом она спрашивала:

—Зачем ты с людьми-то так шутишь, Клюев? Я тебе деньги на что давала? А ты что купил?

Но Клюев не шутил. Конечно, он хорошо понимал, какую удачную вывеску ему удалось прочитать с подоконника, но все равно был уверен, что это шутит рыба. Он мог поклясться, что видел, как ее, завернутую в большую серую бумагу, проносили по коридору, и она шевелила в этой бумаге хвостом—наверное скучала без воды. Вот только кто проносил, Клюев никак не мог вспомнить. Утром он полагал, что это был Шекспир, а вечером—высокий дядя в серой кепке. Потом он вроде слышал шум за дверью и какие-то приглушенные голоса.

—Ну, повторяй за мной,—говорил человеческий голос.—Отцы...родные... Чево ж... вы... по мне... Нет, не туфля́ми... А сапогами...

А тот другой—неизвестный—повторял:

—Чево ж вы... по мне...

—Ну, смотри,—говорила мама.—Это первый и последний раз. В другой раз ври умнее.

Потом Клюев два дня мешал всем ходить. Мешать было веселее, чем просто жить за шкафом. Тем более, что теперь он обо всем догадался. Для этого даже не надо было ходить в кино и слушать в комнате радио. Они ведь так умно не врут.

Ночами за шкаф к Клюеву приходил какой-то Шекспир. Он

был высокий, и на нем была большая серая кепка. Словом, он был очень похож на хорошего дядю. В большинстве своем такие дяди ездят в трамваях, утром ходят по комнате в черных трусах, раз тридцать могут отжаться от пола, а в портфеле возят батон колбасы и зеленый банный веник. Этим веником они бьют себя в банном пару, а колбасу едят, когда им есть хочется. Кроме этого, иногда такие дяди приходят в гости, и тогда Клюева выгоняют в коридор или отвозят на метро к бабушке, чтобы он не мешал дяде и маме пить чай со светлой коммунальной водкой. Когда же Клюева некуда девать, и он все равно мешает, мама дяде шепотом говорит:

—Тсс! Шекспир не спит! Тсс! Он уже все понимает...

* * *

Когда это было? Очень давно. В конце того далекого лета, когда мама Клюева ходила на танцы. Они повадились ходить туда с их красивой рыжей соседкой, вагоновожатой. На танцах было весело, потому что там играл оркестр. Этот оркестр сидел на деревянной эстраде, и над ним мигали лампочки, красные, желтые и зеленые. На заборе при входе висела афиша. Из афиши выходило, что это залетный оркестр: залетел в сад из какой-то итальянской Балахны.

Мама Клюева с соседкой стояли на танцах у забора, и закатное небо над ними светилось таинственным светом. Иногда по небу проплывали облака, похожие на разных крупных рыб, и тогда казалось, что все это происходит где-то глубоко на дне, среди подводных трамваев и каменных водорослей.

А когда случилось так, что в ванной поселилась рыба, мама с соседкой стали ходить на танцы все чаще и чаще. Возвращались они поздно, при свете дальней Луны, и Клюев слышал, как они смеялись в общей кухне и гремели чайником. Он слышал и другие голоса, чем-то напоминавшие мужские. Голосов было много. Из-за шкафа казалось, что в кухне поселился город и говорит о том, как надо жить и любить по ночам.

Потом Клюев спал и ничего не слышал.

А утром, естественно, сразу бежал в ванную к рыбе и смотрел, как она живет и двигает большим раздвоенным хвостом, торчавшим раньше из серой оберточной бумаги... Словом, это было весьма удивительное приключение. Вот только конец его не известен.

ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ

Как-то у Клюевых отыскались в деревне дальние родственники. Настолько дальние, что расстояние до них определить было почти невозможно. Это тоже выходило из письма, полученного однажды в самый разгар душного и пыльного городского лета.

Письмо принес почтальон. Все тот же пыльный небольшой старик, который еле притащился к ним на пятый этаж. Войдя в квартиру, он снова взялся кричать в коридоре:

—Ну, кому тут письмо? А? Ну, кому тут письмо? Эй, люди! Эй, граждане. Эй, жильцы! Повымерли все, что ль? Отвечать бывшему генералу речной кавалерии!

Квартира долго не отвечала, лишь только в каком-то огромному тазу играла печальным эхом скромная итальянская музыка.

Наконец из комнаты вышел Клюев. Он был все еще маленький, поскольку ему иногда было скучно расти.

—Вы, дедушка, кричите тут зря,—сказал он.

—Зря никто не кричит,—сказал ему дедушка.—Всякий крик в душе оседает.

—А все равно зря,—сказал Клюев.—Тут люди от духоты все оглохли. Я один пока еще что-то слышу, потому что дома часто сижу. Хорошо, давайте письмо. Вот вам за это десять копеек.

Почтальон взял деньги и ушел. Точнее, потащился с пятого этажа на улицу. Тащился он долго и в дороге скромно шумел. А Клюев вечером показал письмо маме.

В тот вечер мама была такой уставшей, что даже не сумела удивиться. Она села за стол и, разорвав конверт, стала тихо читать.

Клюев стоял рядом. Один ботинок он давно уже снял и куда-то забросил. Поэтому стоял частично босой, но гордый и любопытный.

Он видел, что письмо написано плохим грустным почерком. Он почему-то подумал, что так могут писать только очень дальние родственники, населяющие недетскую сонную глушь, или кто-нибудь в правительстве, когда от заседаний голова устает.

Прочитав письмо, мама сказала:

—Ничего не понимаю! Какие-то родственники, пруд с лягушками... Откуда это все взялось? Время, что ли, такое пыльное? Или адрес странный: "Москва, Кремль, Клюевым"... А может, это вовсе не адрес? А ну-ка, Клюев, неси сюда наш семейный альбом. Мы счас с тобой сверяться будем. Да окошко можешь прикрыть. Ах, как грохочет летом город!

Клюев закрыл окошко. А после навсегда запомнил, как мама сдувала с альбома пыль...

Запомнил он и то, что в альбоме отыскалась одна надорванная сверху фотография. Были там и другие, некоторые почему-то без лиц, страшные, как будто из другой жизни. Об этой жизни Клюев ничего не знал, но думал, что еще узнает.

На фотографии, которую выбрала мама, человек пять дальних родственников стояли рядом с высоким черным пианино. Что это за пианино, Клюев мог только догадываться. Правда, он думал, что это, наверное, очень дорогой деревянный инструмент с латунными педалями. С его помощью можно сочинить одну из лучших в мире опер. О том, как люди живут.

Разглядывая фотографию, мама долго вздыхала. Ей было что вспомнить. Она сидела за столом и говорила, что было такое время, когда все письма приходилось сжигать. Клюев стоял рядом и спрашивал:

—Зачем?

—А затем, чтобы не было слов, но оставались воспоминания.

После она как-то очень значительно посмотрела на Клюева и сказала:

—А отчего бы тебе не поехать к родственникам в деревню? Город ты уже знаешь, поезжай-ка теперь на природу. А то тут не успеешь вырасти, как задохнешься.

Тогда-то и сел Клюев в тот длинный медлительный поезд, который в дороге часто останавливался, и пассажиры выбегали из вагонов и прятались для чего-то в кустах.

Вот этот самый поезд и привез Клюева в недетскую сонную глушь.

* * *

Он хорошо запомнил, что деревня оказалась почти целиком деревянной. Деревянным было все, не считая, конечно, дороги, по которой шел с чемоданчиком Клюев, многочисленных кур и

еще какой-то каменной церкви без купола, на которой росли небольшие кривые деревья. Клюев тогда еще плохо представлял, что такое церковь без купола. Поэтому он решил, что это что-то вроде их городского планетария, в котором он однажды был и, задрав голову, с большим интересом разглядывал искусственное звездное небо.

Однако небо в деревне было настоящее. Такое, как в городе. Только значительно больше. И лес был, похожий на бесконечный нетронутый парк, из которого вывезли летнюю эстраду и все аттракционы, но оставили где-то в сумерках таинственную машину, которая ухала по ночам—должно быть, от страха страдала.

В этом лесу жили птицы, ежи и еще какие-то неизвестные звери, а также росли грибы.

Трамваи по деревне не ходили. Клюев ни одного не видел. Зато ходил трактор. Спереди к трактору был приделан портрет какого-то человека в специальной одежде, которая на местном языке называлась френчем. Кто это такой на портрете, в разных концах деревни думали не совсем одинаково. В дальнем конце думали, что это—адмирал Колчак, а в ближнем—его величество ефрейтор Ворошилов. Правда, многие утверждали, что Ворошилов был в другом звании.

Словом, впечатлений на природе было такое море, которое размерами напоминало воздух. Не тот, которым все мы дышим, а тот, в котором вечно пахнет грозой.

Одет в деревне Клюев был почти всегда празднично. В очень красивых черных трусах из сатина, он любил своими худыми ногами попылить на большой деревенской дороге. При этом он кричал: "Вперед, пионеры! Взлетим выше солнца!" И кто-нибудь из-за забора, на котором было много на кольях всякой деревенской всячины, ему кричал: "Не ори, политический!" На это Клюев не обижался, но шел гулять куда-нибудь в глушь.

Жил он у родственников. В их доме было очень чисто. В тазу, на скамейке всегда лежали яблоки, красные и желтые, а на стене висели какие-то цветные фотографии молодого военного и его жены. В углу стояли сапоги, и кто-нибудь спал, большой, длинный и шумный во сне... Родственники почти не пили. А если и пили, то не так, как в городе, а более весело и все больше мутную жидкость из огромной бутылки... Иногда ночью Клюев просыпался—опять кого-то тяжко били об крыльцо. На следующую ночь Клюев снова просыпался—кого-то били об плетень. Впрочем, были и другие ночи. Без драк, отчаянно темные и с таинственными вздохами неизвестной машины.

Днем Клюев часто купался. Нигде еще он так хорошо не купался, как в этой деревне, в заросшем пруду с лягушками и жу-

ками-водомерами. Говорили, что ночью на берегу этого пруда танцуют голые девушки, заманивающие людей на самое дно водяной жизни. Клюеву очень хотелось взглянуть, что это за жизнь такая на дне. Однажды ночью он пробрался на берег и правда увидел человек десять голых девушек, среди которых танцевал вполне одетый мужчина, о котором по деревне ходили слухи, что он из области. После выяснилось, что это был праздник—присвоение области имени ефрейтора Ворошилова.

Словом, сказочная жизнь окружала Клюева, и он всему верил.

Верил он и тому, что рассказывал Сергей, добротный деревенский человек. С ним он завел дружбу. Годами этот Сергей был старше Клюева. Даже в тяжелую деревенскую жару, когда звенел окружающий воздух, он носил громоздкие сапоги и серую бесформенную кепку. Еще он много курил, солидно ругался и мотивировал свой костюм известной традицией одеваться по зову каких-то предков.

—Ты чего ж думаешь,—бывало, выйдя из своего сарая, говорил Клюеву это Сергей,—у нас еще в гражданскую так ходили и в период коллективизации. Я к сапожищам целиком привык. Меня из них теперь оглоблей не вышибешь.

Клюев уже знал, что такое оглобля, а потому со всем соглашался.

Надо сказать, что в чемодане, с которым Клюев приехал в деревню, он вместе с трусами привез несколько книг. Бог весть, что это были за книги и зачем он их привез. Может быть, опять задание на лето, а там кто его знает... По крайней мере, вскоре он почти разучился читать, хотя и помнил наизусть почти всего любимого им Шекспира, и решил подарить три книги Сергею. Он прямо так и сказал:

—Да на, бери. Мне мать еще, знаешь, сколько таких накупит.

Снова был день. Они сидели на пруду. В голубом небе над ними летали какие-то птицы. Сергей, опустив один сапог в воду и болтая им, говорил, что хочет выучиться на ассенизатора и что это нормальная работа, потому что все равно кому-то надо возить дерьмо. Но когда речь зашла об этих трех книгах, Сергей даже вскочил. Вскочив, он всячески принялся от них отбояриваться. В ярости он даже подпрыгивал на пруду и непрерывно курил, утверждая, что у них в деревни есть каменная библиотека. Правда, книги оттуда давно уже поперли, но вывеска осталась. Он трижды показал рукой в сторону этой вывески, и Клюев представил почему-то себе, как под вывеской сидит какой-то мрачный человек с большим птичьим носом.

—Ну, это не та категория,—сказал умно Клюев.—У нас в городе вывесок тоже полно.

—Был я у вас. Видал, как вы там вы...ваетесь,—сказал Сергей.

—Чего?—не понял Клюев.

—Херами машете,—пояснил Сергей.

Затем он громко заговорил про какие-то подачки, называя их еще более грубо, и Клюев решил его не слушать, чтобы не насовать чего-нибудь немелодичного в будущую оперу, которую он все-таки думал написать.

Клюев уставился на птиц, а Сергей продолжал:

—Город-то чего? А деревня—чего? Мы и в деревне читать любим. Сами порой книги пишем. Так что это забирай, а то я, знаешь, что тебе оторву.

Сергей показал, что он может оторвать Клюеву; тот несколько забеспокоился и почему-то вспомнил их рыжую соседку. Но потом Сергей книги взял и сложил их у себя в сарае, где на видном месте хранил большие железные клещи и всего одну книгу, купленную когда-то вместо мыла: “Основы плотской любви“.

—Ладно,—сказал он,—будет чего покурить в холода. Я летом курю папиросы. А зимой и махра сойдет.

Четвертая книга была пособием по воздухоплаванию. Текста в ней было мало—почти одни картинки, отражавшие все знаменитые попытки человечества научиться летать. Таких картинок насчитывалось более двухсот, но Клюеву нравилась всего одна—та, на которой был изображен мужчина с крыльями, привязанными прямо к пиджаку.

Как он ими махал, по законам какой механики, Клюев так и не смог разобраться. Надпись под картинкой усугубляла таинственность дела: “Чем больше площадь, тем маши сильней.“ И Клюев, зная опыт и мудрость своего деревенского друга, решил показать ему это загадочное изображение.

Показал он почему-то в лесу, в один из дней августа. Сидели оба на пне. Сергей курил. А про картинку, внимательно ее рассмотрев, сказал, что мужиков с крыльями не бывает—летают начальники и прочая сволочь. Но, правда, подумав, прибавил, что жил у них один горбатый да полоумный, колхозный сторож Макар Ефимыч. Но тот в позапрошлом году упал с колокольни. Вся деревня пришла поглядеть, как он будет падать. Как раз на 1-е мая. Этому сторожу снизу кричали: “Ефимыч! Ты не очень-то там!“ А он отвечал: “А то!“ Дня через три он упал, после чего его уволили из колхозных сторожей, мотивировав это тем, что мертвых сторожей не бывает. Закопали Макара Ефимыча на дальнем сельском кладбище, поскольку на ближнем не было места и там закапывали только тех, кто надламывался на работе. В

могилу воткнули палку с прибитой к ней доской. На доске написали: "Падающего подыми". И Клюев, хоть и мало что понял, но опять со всем согласился. Он даже подумал, что людям, наверное, нужен хороший летающий Макар Ефимыч, а разбившийся им не нужен.

Как-то Клюев хотел сходить поглядеть на могилу Макара Ефимыча, но не нашел дороги. К тому же на второй день пути пошел дождь, и он вернулся назад. И на другой день был дождь, а потом еще три недели. В деревне стало холодно и сыро. Наступившая непогода окончательно оправдала в глазах Клюева то, что Сергей одевался по зову очень мудрых предков. По крайней мере, Клюев часто промачивал ноги и еще боялся ветра, о чем-то певшего в печной трубе.

В одно из последних чисел августа мама прислала в деревню запрос. Она предлагала Клюеву вернуться в город. Кроме этого, за лето выяснилось, что родственники в деревне оказались чужие...

Всю ночь перед отъездом Клюев не спал. Он уложил в чемодан все, что осталось, потом стал есть яблоки и слушать, о чем поет ветер в ночной деревенской трубе. О чем же он пел? Нет, слова нельзя было разобрать, но все равно казалось, что ветер поет оперу, и жаль, что нет нотной бумаги, чтобы ее записать.

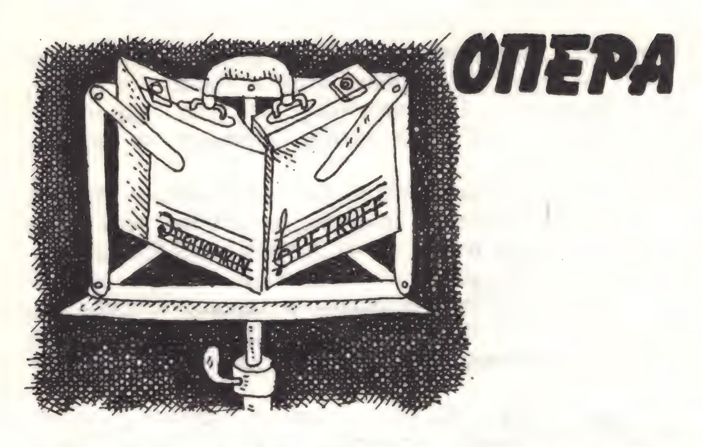
Утром он пошел прощаться с Сергеем.

Тот стоял у церкви, без кепки. Сперва не хотел ничего говорить, мялся, смотрел в сторону. Однако, по лицу его было видно, что случилось что-то из ряда вон выходящее. И точно: ночью кто-то забрался в сарай и выкурил все книги, которые привез Клюев из города.

—Сволочи, зимы не дождались,—сказал Сергей и прибавил о ком-то нечто высокое и грустное.

После этого в деревне стало решительно нечего делать. Чужие родственники посадили Клюева в поезд, и он поехал домой, с грустью глядя на открывавшиеся за окном вагона картины.

До города было три дня пути.

ОПЕРА

Когда Клюев был маленький, он как-то раз написал оперу. Может быть, эта опера вышла из его детских восторженных снов; может быть, ее навеял тот длинный осенний дождь, стучавший в окно их комнаты на пятом этаже; может быть, мама сказала Клюеву: “Отчего бы тебе, Клюев, не попробовать написать оперу. Ты бы стал у меня тогда единственным и знаменитым“. Словом, причины неизвестны. Но факт, что это была самая настоящая опера. Клюев сам репетировал ее перед зеркалом.

Во время репетиции Клюев много пел, с кем-то сражался и громко топал по полу ногами, как в настоящей опере, когда на сцене бывает много народу. Эти репетиции продолжались два дня. На третий день в гости к Клюевым приехал один дальний родственник, пианист.

Это был хороший человек, с длинными ловкими пальцами. Родственник Клюева по материнской линии. Однако фамилия у него была то ли Петров, то ли Потемкин. По крайней мере, на его чемодане стояли две наклейки: с одной стороны Петров, а с другой Потемкин.

Этот родственник приехал к Клюевым из какого-то неизвестного города, в котором не было трамваев, метро и зоопарка. Он носил пиджак, галстук, жилетку, а в жилетном кармане—большие часы с эмалевым циферблатом, которые по форме напоминали Клюеву половину луковицы. Мама почти не знала этого родственника. Она долго искала его фотографию в семейном альбоме, однако почему-то не нашла, поэтому уложила его спать на раскладушке. Утром Клюев просыпался и первым делом бежал смотреть: спит родственник или не спит.

Что касается оперы, написанной Клюевым, то эта опера родственнику очень понравилась. Когда Клюев репетировал перед зеркалом, родственник стоял рядом, щелкал пальцами и говорил:

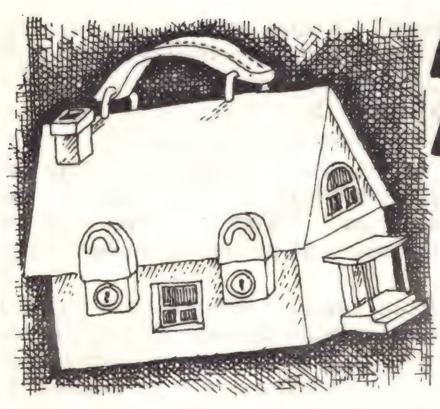
“Это ж высокó! Это ж так высокó!“ Клюев не понимал, что означают эти загадочные слова, но чувствовал одобрение и еще громче топал ногами, воображая людей на сцене.

Петров тире Потемкин прожил у Клюевых больше недели. Потом он устроился на работу. В кинотеатр с толстыми колоннами и фонарями над входом. “Вот и взяли,—сказал он, вернувшись вечером к Клюевым,—буду играть перед зрителями на пианино. Работка-то не бог весть какая, но зато на людях“. В тот день, помнил Клюев, в окно их комнаты стучал длинный осенний дождь.

А потом дождь стучать перестал, пошел снег. Клюев больше не репетировал. Зимой у него были совсем другие заботы. Он хотел за зиму заново прочитать всего Шекспира, но читал еще очень медленно и не все понимал, что написано у Шекспира. К тому же серьезному читателю некогда дóлго стоять перед зеркалом.

К этому времени родственник от Клюевых окончательно съехал. На деньги, заработанные в кинотеатре, он купил себе новый чемодан, а этот оставил у Клюевых. Мама поначалу не знала, куда его девать, потом положила в него две толстые старые портьеры и спрятала под кровать, но почему-то так, что днем на чемодане можно было прочитать “Потемкин“.

Собственно говоря, когда наступила весна, эту фамилию можно было прочитать не только на чемодане. Все же Клюев одолел Шекспира и теперь ходил по весеннему городу одухотворенный своей победой. Правый ботинок у Клюева иногда промокал, однако он этого не замечал, как и всякий серьезный читатель. Зато Клюев замечал трамваи, как они интересно звенят, будто рассыпаются на ходу на мелкие серебряные детали. Замечал и людей, и то, как весной они быстро ходят, освещенные ярким солнцем. И все люди были, по мысли Клюева, героями какой-нибудь оперы, поставленной по одному из произведений Шекспира... А дальше он замечал афиши и то, что на многих афишах стояла знакомая фамилия Потемкин. Клюев уже умел хорошо читать и как-то, остановившись перед тумбой, прочитал, что Потемкин сочинил оперу. Премьера скоро состоится. Нельзя сказать, что Клюев сильно удивился этому обстоятельству. Он только решил, что уговорит маму в этот же день съездить к бабушке. Они у бабушки давно уже не были, почти всю зиму. А потом, Клюев знал, его бабушка все может. Вот пусть и достает три хороших билета на эту премьеру.

ИСТОРИЯ КЛЮЕВА

Они ехали с мамой в метро, и Клюев из любопытства, стоя коленками на сиденьи, смотрел в окно.

Ему было интересно смотреть: за окном пробегали огни, и еще иногда из соседнего тоннеля выезжал поезд, в котором, наверное, тоже ехал какой-нибудь Клюев.

Мама ему говорила:

—Не смотри так много в окно. Глаза заболят.

Но Клюев не слушался. Они ехали под землей из одного конца города в другой, где жила бабушка, и Клюев почти всю эту длинную дорогу стоял коленями на сиденьи, смотрел в окно и не слушался.

А дядя, который забрал его, вошел в вагон в центре. Он был очень большой, в черных ботинках, черном плаще, черной шляпе, и с таким громадным коричневым портфелем, что, казалось, носил в нем троллейбус.

Этот дядя сел рядом с мамой.

Мама долго смотрела на него—на его ботинки, плащ, шляпу и сверкавшие замки портфеля,—потом сказала:

—Клюев ужасно не слушается. Вы не могли бы забрать его в свой портфель?

Дядя сразу подумал, что мама не шутит. Ей уж было почти тридцать лет, и мамы-одиночки, как потом узнал Клюев, в этом возрасте почти не шутят.

—Я мог бы забрать вашего мальчика,—сказал дядя.—Но понимаете, я везу на рынок продавать ковер и опасаюсь, что в портфеле ребенку не хватит места.

—А вы его подарите, этот ковер,—предложила мама.

—Подарить? Но кому?—дядя обвел глазами вагон.

—Вы мне его подарите,—сказала мама.—Это самое лучшее.

Дядя оказался добрый. Он сказал, что обязательно подарит

маме ковер. Потом он взял Клюева и, ласково оторвав от пробегавших огней, посадил себе на колени.

Вот так и забрал его один дядя. Тогда Клюев еще любил, стоя на коленках, смотреть в окно. После, правда, когда они приехали к бабушке, и бабушка встретила их в дверях возгласом: "Ба! Давно не приезжали", дядя его отпустил. И вообще: в маленькой квартире бабушки этот дядя казался еще больше и чуть ни стукался головой о притолоку. Помимо того, он долго сидел на стуле, пил какао, ел хлеб с колбасой, а вечером встал и пошел в кино с мамой. Клюев запомнил, как они уходили: радостная мама шла впереди, а торжественный дядя—сзади.

Что же было потом?.. Потом ничего не было. Просто Клюев вырос, окончил ВУЗ и служит там же, где служил всегда—в одном маленьком учреждении. Дядя же вскоре женился на маме. Они где-то живут до сих пор, должно быть, в другом конце города, до которого Клюеву езды целый час. Жива ли еще бабушка, точно никто не знает.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир Вестер (В.С. Вестерман)

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С РЫБОЙ

(История Клюева)

По соглашению с "Гелио"

Зав. редакцией **В. Грушецкий**
Редактор **А. Лейкин**
Художник **И. Нарижный**
Художественный редактор **Л. Филиппова**
Технический редактор **А. Гинзбург**
Корректор **М. Зальц**

Сдано в набор 21.03.90. Подписано в печ. 10.04.90 г. Формат 60 × 84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 3,0 Уч.-изд. л. 2,24.
Тираж 10.000 экз. **Цена 1 руб. 80 коп.**
Заказ 123-к Л-13648

Издательство «Прометей» МГТИ им. В. И. Ленина.
119048, Москва, ул. Усачева, 64.

ПИК ЦНИИТЭИ Москва,
Шмидтовский пр-д, д. 39

